

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 304.44

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.9-28

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ИСТОРИКИ? ЗАМЕТКИ О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИСТОРИИ*

З.А. Чеканцева

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия

Аннотация

Образ истории, сложившийся в эпоху модерности (*Modernity*), стал проблемой как в интеллектуальной культуре, так и в повседневной жизни XXI в. Наш турбулентный мир и многочисленные тексты убеждают в том, что история больше не является тем, чем была раньше. Тем не менее историки работают преимущественно в рамках нормативного понимания истории, основы которого сформировались в XIX в. Ученые давно обсуждают происходящие изменения. Однако сегодня в трансдисциплинарном пространстве, наряду с критикой устоявшихся протоколов исторического исследования в рамках рефлексивного поворота, идет поиск иной исторической оптики, формируется новый этос истории. При этом проблема пределов дисциплинарной истории и ее будущего соотносится с состоянием знания в целом. В статье на основе текстов историков, философов, социологов и антропологов рассмотрены некоторые аспекты этой необъятной темы: статус истории в презентистском мире и ее отношения с прошлым; темпоральные проблемы исторической культуры; новый этос истории и идентичность историка. Среди многочисленных вызовов, стоящих перед человечеством в новом тысячелетии, выделены только два: трансдисциплинарность и Антропоцен.

Ключевые слова: история, трансдисциплинарность, Антропоцен, историческое время, этос истории, идентичность историка

*Мы должны научиться
ориентироваться
в океане неопределенности.*

Э. Морен

* Текст представляет собой расширенную версию доклада «Вызовы XXI века, историки и будущее истории», который был сделан автором на Международной научной конференции «Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи» (Казань, 18–20 нояб. 2021 г.).

Введение. История и «эпистемология историков». От интерпретации к вмешательству?

Поводом для написания этого текста стал вопрос, прозвучавший недавно на одном из научных мероприятий Москвы: «Зачем нужны историки?» Ответ на него предполагает обсуждение современного состояния истории как дисциплинарного знания. В XXI в. образ истории, сложившийся в эпоху модерности, стал проблемой как в интеллектуальной культуре, так и в повседневной жизни. Глобальное, постколониальное и медийное настоящее, в котором мы живем, а также многочисленные исследовательские тексты все более убеждают, что история уже не та, что была прежде, – изменилось отношение к ней. XIX в. верил в историю и в будущее, которое можно планировать. Это была оптимистическая вера в продуктивную силу истории, возведенная в ранг новой религии. В наши дни, по словам Алейды Ассман, история – «это символ веры, потерявший верующих». В культуре происходит «перенастройка времени и истории» [1, р. 271]. Задний форзац книги Франсуа Артога «Верить в историю», приглашающей присмотреться к миру историков, философов и литераторов, с тем чтобы найти адекватные ответы на вызовы современности, так представляет ситуацию: «Во времена Модерна История была великой силой и великой верой. Подобно деятельной идеологии, она организовала мир и придала ему смысл. Люди служили ей вплоть до слепоты, совершая во имя Истории даже худшее. Как верховный судья поступков и событий, История волновала и пугала. Будучи делом историков, она претендовала на статус науки, в то время как романисты стремились рассказать о мире, плененном историей. Начиная с восьмидесятых годов прошлого века это всемогущество было поставлено под сомнение. Наше отношение к прошлому скорее дело памяти, а не истории: слишком непредсказуемое или слишком предсказуемое будущее исчезло, кажется, из нашего горизонта, и историк включен в безотлагательность настоящего. Заслуживающая оправдания, а не осуждения история изо всех сил пытается выполнить роль посредника между настоящим, прошлым и будущим. Каким смыслом наделить слово *история* сегодня?»¹ [2]. Поскольку история как знание – это то, что делают историки, такая постановка вопроса предполагает переосмысление статуса историка в современном мире.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение современного состояния дисциплинарной истории, не говоря уже о глубоком анализе дискуссионных проблем современной исторической теории и практики. По каждому из вопросов, которые в предельно сжатом виде присутствуют в данном эссе, написано очень много. Детальный анализ упомянутых здесь исследований выходит за рамки этого обзорного текста и требует специального внимания. Представленные заметки созданы в русле сравнительно новой субдисциплины, возникшей на пересечении историографии и эпистемологии, с условным названием «эпистемология историков» [3]. В отличие от методологии науки, предписывающей, как следует работать ученому, эпистемология историков направлена на понимание интеллектуального дискурса о производстве исторического знания, осмысление форм и способов его бытования. Можно сказать, что эпистемология историков – это стратегический медиум, с помощью которого выражается позиция специалиста

¹ Здесь и далее перевод на русский язык мой. – З. Ч.

по поводу различных вопросов исторического знания и в конечном счете складывается представление о профессиональной идентичности (см. [4, 5]).

В данном случае интерес представляет не столько историография и теория истории, сколько практика интеллектуальной работы с историческим мышлением в гуманитарном знании. В новейшей литературе внимание акцентируется именно на такой практике. Речь идет не только о критике, но о радикальной перенастройке в производстве исторического знания и поиске другой истории. В терминологии философа Габриэля Рокхилла это не *интерпретация*, а *вмешательство*. Объясняя разницу между этими типами теоретической практики, переплетающимися с темами истории, политики и эстетики, философ пишет: «Речь идет не просто о том, чтобы подвергнуть сомнению предпосылки или думать иначе, но в конечном счете об изменении структурных условий возможности мышления и, таким образом, об изменении самой деятельности мысли. Вмешательства никогда не бывают чисто интеллектуальными усилиями или мысленными экспериментами. Это практические вторжения в социальные обряды и ритуалы теоретической работы» [6, р. 3].

Интерпретация чаще всего подчиняется правилам установившегося дискурса. Она работает в общих нормативных и эпистемологических рамках институционализованного набора действий. Вмешательство (*intervention*), напротив, направлено на то, чтобы оспорить эти действующие нормы и ввести альтернативные формы интеллектуальной практики. «Основное различие между ними заключается в том, что интерпретация играет по правилам узнаваемого социального ритуала, тогда как вмешательство бросает им вызов» [6, р. 2].

Трансдисциплинарность и Антропоцен

Основной корпус текстов, образующих постоянно обновляющуюся вселенную исторического знания, создают историки. Однако историческая культура формируется также литературой, фотографией, кинематографом, театром, архивами, музеями, библиотеками, пластическими искусствами, сетевыми медиаресурсами, образовательными практиками, видеоиграми, музыкой. Все это помимо специальных дисциплин изучают преимущественно культурологи и антропологи, но к ним все чаще присоединяются историки, обладающие полифоничным мышлением и нацеленные на получение нового знания. Размышляя о будущем гуманитарных наук, Ханс Ульрих Гумбрехт рассматривает их как «пространство рискованного мышления», то есть мышления, «идушего навстречу интуиции» [7, с. 11]. Иными словами, главный инструмент гуманитарного мышления, совпадающий с его целью, – это интенсивное мышление, что сближает гуманитарное знание с искусством. «Подобно эстетическим суждениям, – пишет Х.У. Гумбрехт, – суждение в гуманитарных науках – радикально независимый акт, содержание которого не может быть выведено из каких бы то ни было стабильных базовых принципов» [7, с. 12].

Историография, как известно, занимает значительное место в гуманитарном пространстве. Еще Пьер Бурдьё писал, что «пересмотр вопроса об основаниях и есть само основание исторических наук», поэтому, возможно, «исторические науки не всегда могут на него ответить». «Специалисты в области социальных наук, особенно молодые, часто не подготовлены для противостояния философско-идеологическому натиску, который застаёт их врасплох настолько, что, даже когда

им говорят вещи, составляющие существо их профессии, они не могут их узнать» [8, с. 12]. В этой связи П. Бурдьё подчеркивал необходимость внятно объяснить основания исторических наук, но сделать это должны прежде всего сами историки.

Историки работали и работают в пространствах национальных государств, империй, цивилизаций, мировой истории, но сегодня речь идет о судьбе нашей планеты. На XXXV Международном геологическом конгрессе в Кейптауне (2016 г.) ученые констатировали, что человечество уже более 50 лет живет в новой геологической эпохе, получившей название «Антропоцен». Внесение Антропоцена в геологическую летопись – это важная и пока еще не завершенная задача [9]. Однако Антропоцен не просто обозначает условие, требующее перенастройки геологического времени, но предстает как «междисциплинарная структура» и культурная модель, в которой используются новые концепции времени, знания, деятельности и управления [10]. Все это важно как для философии и науки, так и для жизни.

В ходе дискуссий о содержании и границах Антропоцена специалисты пришли к выводу, что он представляет собой беспрецедентное в истории Земли событие, которое по значимости превосходит переходное время рубежа XVIII и XIX вв. [11, 12], при этом речь идет не только об изменении климата, исчезновении видов, экологии, но и о гуманитарных, социальных, экономических и политических проблемах. В дебатах вокруг Антропоцена в гуманитарных и социальных науках, а также философии отчетливо проявляется стремление переосмыслить свои основы, хотя подобное стремление не является ни нейтральным, ни прозрачным, ни универсально разделяемым [13].

В частности, выясняется, что кризис переживает не только европоцентризм, но и антропоцентризм. Отчасти именно агентность человека завела мир в тупик [14]. Кроме того, помимо людей на нашей планете пребывает множество живых существ (животные, микробы, вирусы, рыбы), а также материальный мир вещей, которые изучены недостаточно. Соединяя человеческое время и время Земли, человеческие действия и нечеловеческую агентность, Антропоцен отрицает темпоральное, онтологическое, эпистемологическое и институциональное разделение между природой и культурой, природой и обществом. Окружающая среда реагирует на давление, создаваемое деятельностью человека, и быстро меняется, составляя историческую единицу, неотделимую от истории человечества [15]. В аннотации Cambridge University Press на онлайн-публикацию (20 февраля 2018 г.) специального выпуска журнала «Анналы. История и социальные науки» (“*Annales. Histoire, Sciences Sociales*”), посвященного Антропоцену, можно прочесть:

«Постижение множественности форм обратной связи между Землей и человеческими обществами не только призывает нас пересмотреть темпоральные деления или методы социальных наук. В более глубоком смысле это размышления об условиях возможности политической экологии, осознающей апории модернистской мысли. Антропоцен, таким образом, приглашает перекомпоновать соответствующие политические пространства анализа, подталкивая нас к отказу от ограничительных рамок государства, унаследованных от модерности, одновременно перерисовывая соответствующие концептуальные сферы науки, религии и политики. Это, несомненно, коллективная и амбициозная задача, свидетельствующая о масштабах эмпирических и теоретических вопросов, поставленных Антропоценом, которые историки должны решить» [16].

Действительно, круг вопросов, связанный с этой эпохой, очень широк. Сюда входят запутанный мир человека и природы, экологические гуманитарные науки, нейронауки, многовидовые подходы в антропологии и археологии, дискуссии о биотехнологиях, транс- или постгуманизме, искусственном интеллекте, цифровые технологии и прочее. Это бесконечное разнообразие осмысливается с разных позиций и ракурсов не только в русле конкретных дисциплин, в теории и философии истории, но и в разных междисциплинарных областях, изучающих научную деятельность, например: в русле философии науки, социологии науки, истории науки. Можно сказать, что в наши дни, как и во все времена, состояние истории и ее проблемы соотносятся с состоянием научного знания в целом. Однако и здесь все непросто. Наука, например, утратила свою конкретность; однозначного ответа на вопрос, что такое наука, практически не существует; стирается различие между научным и ненаучным. «Наука фактически находится на осадном положении, в состоянии непрерывной борьбы: другие формы знания стремятся оспорить ее авторитет и захватить области ее компетенции, другие акторы (политики, например. – З.Ч.) – принудить к прозрачности и контролируемости, лишить автономии и подчинить собственным интересам. При этом результаты исследований науки (научное знание о самой науке) путем своего рода аутоиммунной реакции скорее вытесняются самими учеными как антинаучные и опасно релятивистские» [17, с. 17]. «Исходный дисциплинарный нарратив истории науки, – пишет Лоррейн Дагтон, – попросту научно несостоятелен. Он подрывается осторожным историзмом и дистанцированием от анахронизма и телеологии, характерными для наиболее строгих и изобретательных работ в этом поле последние сорок лет» [18, с. 77]. Кроме того, научные практики в процессе изучения переплетаются с культурным контекстом, поэтому «невозможно заниматься исключительно наукой без исследования других способов познания и деятельности. ...Вероятно, необходима какая-то версия истории знания, частью которой будет история науки» [18, с. 78].

Ситуация осложняется тем, что в XXI в. на смену междисциплинарности приходит трансдисциплинарность как ключевая исследовательская практика, необходимая для понимания времени и мира, в котором мы живем. Это влияет на экологическое, историческое, политическое мышление и требует радикального обновления словаря и инструментария философии и науки. Знакомые слова наполняются иными смыслами, а мы продолжаем использовать их так, как было принято в философском, научном и гуманитарном дискурсе начиная с эпохи современности несмотря на то, что речь идет о стремительно обновляющемся трансдисциплинарном дискурсе. Кроме того, в последние тридцать лет происходит фундаментальный сдвиг в организации научной деятельности. Наряду с дисциплинами все большее значение приобретают различные *studies: gender studies, cultural studies, memory studies, area studies, diaspora studies, technoscience studies, times studies...* (список можно продолжать и продолжать). Все они предполагают изучение проблем, которые невозможно разрабатывать в рамках одной дисциплины [19]. До сих пор не очень ясно, как все это устроено, хотя проблема ревизии дисциплинарных границ активно обсуждается. Историки присутствуют в этих полидисциплинарных исследовательских образованиях. В историографии их нередко связывают с понятием *история историй* [20, р. 952], но последнюю не всегда

понимают, как трансдисциплинарную практику. И всё же – как работает историк в рамках *studies*? Что значит «*взаимодействовать с историей*» в трансдисциплинарном исследовании? Как история воспринимается и используется в различных полидисциплинарных проектах? Как трансдисциплинарные подходы влияют на историческую дисциплину? Некоторые историки науки, например Питер Галисон, соавтор знаменитой книги об объективности [21], отмечают сильное противодействие историзму и даже «бегство от истории» [22]. Подразумевается главным образом историцистский вариант истории, но именно такой тип до сих пор преобладает во многих областях исторического знания. О «недостаточности современного исторического мышления» и необходимости обновления режимов историзации размышляют и философы [23].

Историку трудно, а нередко просто невозможно выйти за границы того типа мышления, который доминирует в период его профессиональной деятельности. Дисциплинарные процедуры в истории, как и в большинстве социальных наук, нормализованы, поэтому историк работает в соответствии с определенным порядком дисциплинарного сообщества, не слишком отклоняясь от установленных норм. Это означает, что в организации научной деятельности присутствует дисциплинарная функция ограничения, которая в принципе противоречит идее свободного исследования, хотя эта идея – кредо настоящего ученого и основа исследовательского университета. Начиная с 60-х годов XX в. в условиях радикальных перемен идут активные дебаты по поводу природы и истории дисциплинарности [24]. В последнее время растет признание внутренней сложности концепта дисциплины, восстанавливается его семантика и предпринимаются попытки создать эффективный критический дискурс о дисциплинарности (см., например, [25]). Однако важно понять, что исследовательская деятельность историка, включающая в себя поэтическое, научное, философское и политическое измерение в тесной связи со сложной работой памяти, является носителем де-дисциплинарного начала, которое присутствует не только в профессиональном сообществе, но и в повседневной историчности индивидуальных и коллективных опытов со своими особыми темпоральностями и ритмами, которые не всегда укладываются в хронологический порядок календарного времени.

Ученые, в том числе историки науки и теории истории, акцентирующие роль профессиональных норм в историческом творчестве, не всегда учитывают новые вызовы, требующие изменения конвенциональных оснований исторического исследования. Между тем в дисциплинарной истории накопилось такое количество условностей и «вечных вопросов», что историкам уже просто не верят. Пришло время подумать, как *перестроить организацию производства исторического* таким образом, чтобы это не влияло на авторитет профессии. Конечно, это невероятно трудная задача – максима «история слишком серьезное дело, чтобы доверять его только историкам» широко известна, – но без участия историков ее вряд ли можно решить. Хорошо известно, что во многих случаях историческое знание способно разбираться в сложнейших ситуациях лучше, чем любое другое. Историографические шедевры, созданные историками в разное время и до сих пор сохраняющие свою историчность, – убедительное тому свидетельство. Известный интеллектуальный историк, главный редактор журнала «История и теория» Итан Клейнберг, размышляя в недавнем интервью о спорных проблемах дисципли-

нарной истории, назвал «критическое вмешательство» «силой и сердцем нашей дисциплины» [26, р. 224]. Однако для многих историков теория истории не является обязательным атрибутом их ремесла. Они отстраненно относятся к философии и философам, считая себя реалистами. Решающее значение для них имеет исторический метод, стержень которого – работа с источниками, в идеале архивными. В лучшем случае такие историки признают методологию, под которой понимают набор рекомендаций, как надо работать с источниками и текстами «правильно». Тем не менее сегодня стоит прислушаться к тем, кто обосновывает необходимость радикальной перенастройки теории и практики исторического познания (см., например, [27, 28]).

История и прошлое

Несмотря на известную многозначность *истории* в мире повседневности, да и в мире науки, она чаще всего понимается как синоним *прошлого* или как «совокупность событий прошлого». Возможно, это связано с образованием, где история преподается главным образом как наука о прошлом. В современном мире прошлое вытесняет историю как сложное знание. «Повсюду только прошлое, – пишет Пьер Нора, – истории больше нет нигде. История, то есть организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании» [29, р. 3]. «Форма, в которой мы думаем о прошлом, – это скорее память без границ, а не ограниченная национальными рамками история», – уточняет американский историк культуры Андреас Хюссен [30, р. 4]. Однако что такое прошлое? Если речь идет о том, что было, – это одно. Если о прошлом как об одном из модусов времени в западной темпоральной традиции – другое. В любом случае историк имеет дело с очень сложными явлениями: реальностью и временем. В XIX в. история, утверждая свою научность, отделила прошлое от настоящего и сделала его своим предметом [31]. Но такое понимание предмета исторической дисциплины давно и основательно проблематизировано [32; 33].

Когда мы изучаем прошлое истории как нечто самоценное, как то, что навсегда ушло, доминирует статика и наши попытки продемонстрировать динамику с помощью упрощенной хронологии оказываются механистическими и конвенциональными. В результате утрачивается историчность. Кроме того, возможно разное восприятие прошлого. Есть прошлое вообще, есть историческое прошлое традиционной дисциплинарной историографии, есть «практическое прошлое», которому посвятил свою последнюю книгу Хейден Уайт [34], существует также «полезное» или актуальное прошлое, которое активно используется [35].

Одним из самых серьезных вызовов для историков стало то, что прошлое теряет статус самодостаточной ценности, поскольку становится частью настоящего [36; 37]. Принять такое смещение времен историкам очень непросто, потому что это противоречит логике и практике классического понимания истории. В начале нового тысячелетия в научный оборот активно входит понятие «присутствие» (*presence*), которое меняет привычное представление об историческом исследовании. Иначе говоря, прошлое – это, по мнению Елко Руниа,

не только то, «что было до нас, но и то, что стало с нами» [36, р. 18]. Разумеется, «присутствие» понимается философами и теоретиками истории по-разному (см., например, [26]). Но это специальная тема, о которой многие историки просто не знают.

Между тем сохраняющееся «прошлое» реконструирует понятие дистанции между разными модальностями времени, размывая строгую границу между прошлым и настоящим, установленную в дисциплинарной истории модерности, а также проблематизирует самостоятельное существование прошлого, настоящего и будущего. Поэтому интеллектуалы сегодня настаивают на необходимости учиться видеть множественность времен во всех модусах времени. Впрочем, об этом писал еще Августин, а в последнее десятилетие – социальные теоретики, философы и историки. В прошлом веке неизбежное смешение разных модусов времени, одновременность их бытования в философии лучше всех обосновал Мартин Хайдеггер [38], а среди историков – Норберт Элиас [39, р. 69–70].

В стремительно меняющемся мире историки утратили монополию на изучение прошлого, тем не менее продолжают заниматься своим делом так, как они его понимают, сохраняя верность традициям ремесла. Принято думать, что историческое знание консервативно. Отчасти это верно. В недавнем интервью французский медиевист Патрик Бушерон заметил, что «историки мечтают вместе с Жюлем Мишле, но работают как Шарль Сеньобос» [40, р. 76]. Не удивительно, что теоретики истории упрекают их в том, что они не думают, когда работают. На самом деле в историографии о смене парадигм и историографической революции во второй половине XX в. написано немало. Признаки кризиса дисциплинарной истории появились уже на рубеже XIX – XX вв. Серьезным испытанием стала Первая мировая война, обнажившая связь истории с национализмом². Тогда же впервые заявила о себе *история настоящего времени* как жанр, не соответствующий основам традиционной исторической дисциплины [42]. Лингвистический поворот, изменив представление о соотношении реальности и фикции, радикально проблематизировал историографию в ее устоявшихся формах. Постмодернисты, поставив под сомнение авторитет источника как носителя ушедшей реальности, открыли возможности для масштабного исследования дисциплинарных процедур и допущений. Постструктуралистская критика стимулировала использование методов, связанных с социальной активностью. Это особенно проявилось в гендерных и постколониальных исследованиях, позволивших в «материале» показать множество предрассудков в исследовательских практиках. Мемориальный бум расширил масштабы сомнений, обострив вопрос об использовании истории. «За пределами истории и памяти» набирает силу новая форма историографии, получившая название «*мнемоистория*» [43, р. 463]. В русле этих перемен критика европоцентризма и изучение истории модерностей сделали историческое исследование не только эмпирическим, но также теоретическим и философским. Интерес к историчности проблематизировал устоявшиеся представления о динамике истории, в трансдисциплинарном режиме обсуждается контингентность исторических явлений и процессов. Темпоральный поворот,

² «Люди прошлого гибли не ради нации, но из-за нации», – пишет К. Лоренц [41, р. 30].

изучение политики времени, политики памяти, политики синхронизации и периодизации по-новому освещают проблему связи истории и политики.

В последнее десятилетие историография стала более воинственной. В международной науке появились манифесты, по-разному обосновывающие мысль, что в современной интеллектуальной ситуации наши усилия, направленные главным образом на выяснение того, что там действительно было в прошедшем, связаны с риском получить окостеневшее прошлое, способное в принципе отлучить людей от истории как специализированного научного знания. Однако очевидно, что только критики в настоящее время недостаточно. Мы не можем больше уходить от признания того, что такие базовые компоненты традиционной дисциплинарной истории, как историческая правда, объективность, беспристрастие исследователя, причинно-следственные связи, историческое время, хронология, контекст и другие, воспринимаются сегодня в междисциплинарном пространстве, да и в обыденной жизни совсем не так, как предписывают стандарты ремесла историка. В современной теории истории они приобрели статус «эпистемических добродетелей», которые, как и все добродетели, изменчивы.

В своей последней книге Х. Уайт различает историческое прошлое, с которым имеют дело профессиональные историки, и практическое прошлое, доступное всем людям без исключения [34]. Он убежден в ценности практического прошлого, которое реально «практикуется», в отличие от якобы объективной истории, созданной политически и аксиологически нейтральной наукой. Ученый не слишком жалуется профессиональную историографию. Такое отношение к ней он выразил еще в 1966 г. в работе «Бремя истории» [44]. По мнению Х. Уайта, в историографии произошел разрыв ее «тысячелетних связей с риторикой, изящной словесностью, деятельностью любителей и дилетантов, с письмом, которое было скорее “творческим” и “поэтическим” и в котором воображение, интуиция, страсть и даже предрассудки получали преимущество перед соображениями понятности, “простоты” речи и здравого смысла. Поэтому долой риторику!» (цит. по [45, с. 98]). Но именно риторика³, как выяснилось сравнительно недавно, является носителем историчности [46].

Эва Доманска увидела в этой книге проект, названный ею «историографией освобождения». Под этим она понимает «мобилизацию освободительного потенциала историчности путем усиления способностей не истории, но тех, кто ее изучает» [47, р. 644]. По ее мнению, такое освобождение предполагает выход за дисциплинарные ограничения, установленные профессиональной историографией. Андрей Олейников, посвятивший этому сюжету специальную статью, утверждает, что именно в этом заключается назначение публичной истории [45]⁴.

По мысли Х. Уайта, политические идеологии Нового времени «лишили историю того рода бессмысленности, которая только и могла пробуждать моральное

³ Риторика и поэтика понимаются в западной мысли как две изначальные формы дискурса. Различие между ними не соответствует традиционному разделению на прозу и поэзию, но заключается главным образом в интенции его создателя. Считается, что создатель поэтического дискурса изначально занят отображением жизни, а создатель риторического стремится прежде всего воздействовать на него (см. [Dictionary of World Literary Terms / Ed. by J.T. Shipley. London, 1970. P. 272–273]).

⁴ Такое понимание интересно и перспективно: публичная история предполагает не только популяризацию профессионального знания и изучение присутствия истории в массовой культуре, но и качественную трансформацию основ исторического знания [48, с. 28–29].

чувство в живых людях, заставляя их менять свою жизнь и жизнь своих детей и наделять ее смыслом, за который только они сами несут ответственность. Нельзя совершить политически результативный переход от “вещей, какими они были или есть в действительности”, к моральной убежденности в том, что “все должно быть по-другому”, не испытывая чувства отвращения и не вынося приговора тем условиям, которые нужно отменить» (цит. по [45, с. 103]). По мнению А. Олейникова, Х. Уайт считал, что, только будучи моралистом, можно созерцать возвышенный спектакль истории, ее «освобождающую бессмысленность» [45, с. 104].

Темпоральная проблематика в исторической культуре

Слишком «узким» представляется сегодня и определение истории, предложенное Марком Блоком: «Наука о людях во времени». В наступившем тысячелетии все чаще анализируются антропоцентристские предубеждения ученых и обосновывается необходимость разработки альтернатив [28]. Впрочем, еще в прошлом веке историки в «материале» показали, что все имеет историческое измерение: предметы, ландшафты, климат, конъюнктуры, дискурсы, идеи, тексты, животные, болезни, вирусы, тела, цвета и т. д. Но теперь речь идет не только об истории. Например, Эва Даманска, размышляя о возможностях экологических наук после антропоцентризма, пишет: «В случае экологических гуманитарных наук (связанных с не-антропоцентрическими гуманитарными науками и постгуманитарными науками) акцент делается не только и не столько на выборе определенной исследовательской программы и интересе к авангардным тенденциям, сколько на содействии становлению иного видения мира. Главным образом потому, что он основан на реляционном мышлении, в котором главная роль отводится взаимоотношениям, взаимозависимости, сосуществованию природы и культуры, человека, нечеловеческих существ и окружающей среды. Целью в таком случае становится изменение сознания, а также достижение социальной трансформации и построение “инклюзивной демократии” или/и партисипативной экологической демократии; возможность создания “общего мира”, состоящего из людей и не-людей (Бруно Латур). В соответствии с этим видением взаимный мир понимается не в категориях глобализации, а, с одной стороны, в планетарной и космической перспективе, а с другой – в молекулярной» [49, р. 121].

Жак Ле Гофф писал, что предложенное М. Блоком определение истории «не идеально» еще в середине 80-х годов XX в. прежде всего потому, что «история не совсем наука, но скорее дисциплина, обладающая научным характером». Кроме того, «историки изучают людей в обществах и это важно». Наконец, «категория времени слишком абстрактна». Историк предлагал другую формулу: история – «научное изучение человеческих сообществ в их темпоральной эволюции». В то же время Ж. Ле Гофф так же, как М. Блок, считал историю наукой об изменении и настаивал на том, что историки нуждаются в более тонкой теории исторического времени [50, р. 21].

Рейнхард Козеллек полагал, что из всех вопросов, поставленных исторической наукой, одним из самых трудных является «определение того, что собой представляет историческое время» [51, р. 9]. Ответ на этот вопрос до сих пор не найден, хотя самые талантливые историки не раз пытались в «материале» преодолеть философские апории темпоральности [52].

В масштабных и далеких от завершения дискуссиях последнего десятилетия об историческом времени, вращающихся вокруг нескольких основных вопросов (линейность, имманентность, контингентность, синхронизация), концептуально утверждается анахроничная, множественная и многослойная природа темпоральности [53, 54]. Основные модусы времени обсуждаются в трансдисциплинарном режиме как реляционные категории, содержание которых формируется в практиках. Исследуется и обосновывается их тесная взаимосвязь и изменчивость, а также гетерогенность каждого из них. В последние годы становится все яснее, что связанное с прогрессом историческое время, в структуре которого прошлое навсегда остается в прошедшем, а будущее всегда лучше настоящего, устарело. Философы и ученые все чаще обращаются к теме времени, написаны блестящие исследования о времени историческом, но, несмотря на это, *время* и *темпоральности* все еще изучаются в рамках абсолютного и естественного времени, просто обозначая прошлое, последовательность или историю. В историографии линейность и таксономия сохраняются в качестве основы [55]. Мы продолжаем писать историю в хронологическом порядке и, по сути, работаем в рамках науки XIX и XX вв., хотя множество сомнений по этому поводу было высказано более века назад. Между тем вызовы Антропоцена оправдывают масштабную ревизию темпоральной проблематики, направленную на модернизацию научных исследований и выживание человечества [56].

Отношение историков к линейному историческому времени как единственно возможному и правильному философ Бербер Бевернаж назвал «темпоральным манихейством» и показал, что это парализует работу большинства комиссий по установлению исторической истины или правды [57, р. 12]. Иными словами, такое понимание исторического времени мешает согласованию множества спорных вопросов исторической политики не только в Европе, но и на других континентах. Более того, утвердившаяся в XIX в. темпоральная модель является одним из главных препятствий для преодоления апорий и парадоксов, накопившихся в историческом знании. После исторического поворота эти апории стали частью познания в целом, поэтому стержнем многих проблем, порожденных эпохой Антропоцена, является темпоральная проблематика.

Понятие «историчность», введенное в науку В. Дильтеем и основательно переосмысленное на рубеже XX – XXI вв. [58], фиксирует изменчивость всего сущего, однако философы воспринимают его по-разному. Одни подчеркивают бедность, размытость и неопределенность историчности [59]. Другие, напротив, настаивают на необходимости ее более обстоятельного включения в исследовательскую культуру. Б. Бевернаж, например, предлагает заменить послевоенную философию истории, понимаемую как философия историографии, на *философию историчности*, задача которой состоит в том, чтобы изучать не только академическую ситуацию в истории, но и все возможные формы коммуникации с прошлым [60, р. 113]. Такая философия будет выходить за пределы человеческого мира, и, возможно, за пределы того типа истории, который мы знаем сегодня, поскольку ученые интенсивно обсуждают возможности «более чем человеческой истории» [61].

Понимание работы историчности с ее зыбкими темпоральностями является одним из ответов интеллектуалов на вызовы современности. Речь идет о необхо-

димости переосмыслить разнообразные формы опыта, учитывая многочисленные темпоральные инстанции, при условии разрыва с телеологическими представлениями о темпоральном становлении людей и с классической реконструкцией преемственности, в которой не удастся избежать исторического априори. Однако это предполагает выход за рамки привычного позитивизма историков [62].

Признание наличия разных опытов времени и множества режимов историчности актуализирует проблему присутствия в настоящем не только прошлого, но и будущего. «Историческое познание не ограничивается лишь осмыслением прошлого, – пишет французский историк Винсент Дюклер, – но включает в себя и размышления о будущем. История является носителем видения будущего, потому что, защищая способность критического разума понять то, что иногда кажется непостижимым, она поддерживает волю к мысли и сопротивлению тому, что угрожает этому будущему. Именно в этом заключается смысл битвы за преподавание живой истории, которая не сводится к комментированию актуальных новостей» [63, р. 11]. Все чаще ставится вопрос о необходимости научиться использовать силу будущего для того, чтобы понять и изменить то, как мы вмешиваемся в наше становление. Только один пример. Историк и антрополог Жером Баше написал книгу о том, как освободиться от «тирании настоящего» и обрести способность открывать или изобретать будущее, отличное от предсказуемого и планируемого будущего модерности [64].

В отличие от Франсуа Артога и других ученых, сосредоточенных на презентизме⁵, Ж. Баше интересуют прежде всего формы будущего, присутствующие в настоящем. Усиление презентизма ученый связывает с новым, неолиберальным этапом развития капитализма, который начался в 70–80-е годы XX в. По мнению историка, для этого периода было характерно структурное слияние экономики и политики, быстрый рост управленческих форм государства, утверждение торгашеской логики в поведении. Это эпоха, в которой «экономика устанавливает прямой контроль над всеми сферами жизни» [64, р. 161–162]. Рассматривая разные формы будущего, сохраняющиеся в нашем настоящем, Ж. Баше анализирует возможности нового порядка, основанного на автономных сообществах, где государство больше не играет главной роли и где мир освобожден от диктата экономики Запада. Предлагает он и ряд эпистемологических идей, в частности подчеркивает необходимость преодолеть оппозицию история – память, а также сделать нормой эпистемологический плюрализм, заменив характерную для постмодерна дихотомию объективность/релятивизм. При этом Ж. Баше отвергает претензии науки на обладание истиной и предлагает добиваться того, чтобы все формы постижения мира, включая обыденное мышление, учитывались как равноправные. Иными словами, для того чтобы что-то понять или объяснить, надо учитывать «все созвездие знаний» [65, р. 458].

Заключение. К новому этосу истории?

Стремительно меняющийся мир не перестает удивлять своей неопределенностью и непредсказуемостью. Однако история как наука, по словам Поля Рикёра, –

⁵ См., например, специальный выпуск журнала «Логос» о темпоральном повороте и реполитизации истории (Логос. 2021. ·Т. 31, № 4).

это тоже «царство неопределенности». В качестве автономной дисциплины она накопила такое количество апорий и парадоксов, что обсуждение ее состояния и перспектив в последние десятилетия приобрело статус одного из важнейших вопросов современности. Это происходит не только потому, что история как знание необходима для жизни, но и потому, что историческое мышление является составной частью всех возможных способов освоения мира. Можно говорить, как минимум, о двух исторических поворотах в познании: на рубеже XVIII – XIX вв. в связи с начавшимся превращением истории в автономную дисциплину и в конце прошлого века, когда завершилось дисциплинарное соперничество и историческое измерение было включено во все науки без исключения.

Переосмысление базовых протоколов истории и других форм знания, имеющих интерес к прошлому, теперь объединяется тем, что называют этико-политическим поворотом. С ним связывают формирующийся в трансдисциплинарном режиме новый этос истории, понимаемый как «характер» и авторитет исторического способа знания [66]. Стержень такого поворота – признание необходимости активнее участвовать в обсуждении проблем современного мира, его настоящего и будущего, возможностей и перспектив с помощью истории. Проекты пересмотра устоявшихся отношений между модусами времени, прежде всего между прошлым и настоящим, безусловно политически ангажированы. Но и традиционная история не без оснований представляется как средство сохранения идентичности и приручения новизны будущего [67].

Политическая ангажированность историографии осмысливается учеными, которые озабочены поиском истории, способной выполнить свою эмансипаторскую миссию. Но архаичность исследовательских, образовательных и повседневных практик мешает артикулировать и объяснить механизмы взаимодействия политического и исторического. Поэтому обсуждение новых явлений в историописании на перекрестках трансдисциплинарности не менее полезно, чем хронологические повествования о последовательных трансформациях и достижениях историографии. Кроме того, интенсивность и широта далеких от завершения дискуссий об основах исторического исследования свидетельствуют о жизнеспособности истории как особого способа постижения мира.

Историцистские установки в основном направлены на стандартизацию и контроль в русле универсалистского проекта в рамках дисциплинарного знания, предполагающего использование истории, в том числе в политических целях. Основу новой этики составляет понимание, что история, которая пишется историками, по большому счету виртуальна, невесома и ее цель – объяснять различия, а не контролировать их. В социальной функции истории все большее место занимает задача развития творческого начала, в том числе воображения, в жизни каждого конкретного человека и активизации деятельного политического участия в построении общего порядка. Соответственно меняется представление о социальной роли историка. Он становится активным актором современности, в идеале независимым от внешнего принуждения при реализации своих профессиональных задач.

В культуре утверждается мысль о перформативной роли истории и историков в нашей современности. Историки не только изучают прошлое, они участвуют в формировании историчности и темпорального режима, в котором живут, помогая людям анализировать жизненные ситуации, принимать решения,

формировать правила коммуникации и создавать «институты» как базовые культурные структуры, определяющие жизнь в настоящем и позволяющие находить в ней возможности для размышлений о будущем [68]. Мир, в котором мы живем, изменился настолько, что люди перестали его понимать. Что могут сделать историки, чтобы изменить дискурсы и институты?

Литература

1. *Assmann A.* Conclusion: A creed that has lost its believers? Reconfiguring the concepts of time and history // *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism* / Ed. by M. Tamm, L. Olivier. – L., N.Y.: Bloomsbury Acad., 2019. – P. 269–284. – doi: 10.5040/9781350065116.0007.
2. *Hartog F.* Croire en l’histoire. – Paris: Flammarion. 2013. – 310 p.
3. *Чеканцева З.А.* Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // *Электрон. науч.-образоват. журн. «История»* – 2018. – Т. 9, Вып. 8. – doi: 10.18254/S0002438-0-1. – URL: <https://history.jes.su/s207987840002438-0-1/>.
4. *Gorman J.* Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. – Montreal; Kingston; Ithaca: McGill Queen’s Univ. Press, 2008. – 258 p.
5. *Noël P.M.* Épistémologie, histoire et historiens: considérations conceptuelles, méthodologiques et empiriques autour du discours que les historiens tiennent sur leur savoir. Thèse de doctorat: Histoire. – Québec, 2014. – 401 p.
6. *Rockhill G.* Interventions in Contemporary Thought. History, Politics, Aesthetics. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2016. – 277 p.
7. *Гумбрехт Х.У.* Ледяные объятия «научности», или почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть “Humanities and Arts” // *Новое лит. обозр.* – 2006. – № 5. – С. 7–17.
8. *Бурдье П.* За рационалистический историзм / Пер. с фр. Н.А. Шматко // *Социологос постмодернизма’97: Альманах Российско-французского центра социол. исследований Ин-та социологии РАН.* – М.: Ин-т эксперим. социол., 1996. – С. 9–29.
9. *Quenet G.* L’Anthropocène et le temps des historiens // *Ann. Hist., Sci. Soc.* – 2017. – Т. 72, F. 2. – P. 267–299. – doi: 10.1017/S0395264917000543.
10. *Delanty G., Mota A.* Governing the Anthropocene: Agency, governance, knowledge // *Eur. J. Soc. Theory.* – 2017. – V. 20, No 1. – P. 9–38. – doi: 10.1177/1368431016668535.
11. *Bonnueul Ch., Fressor J-B.* L’événement Anthropocène. La Terre, l’histoire et nous. – Paris: Ed. Seuil, 2016. – 320 p.
12. *Domanska E.* The new age of the anthropocene // *J. Contemp. Archaeol.* – 2014. – V. 1, No 1. – P. 96–101.
13. *Charbonnier P.* Généalogie de l’Anthropocène. La fin du risque et des limites // *Ann. Hist., Sci. Soc.* – 2017. – Т. 72, F. 2. – P. 301–328. – doi: 10.1017/S0395264917000555.
14. *Lavlok D.* Revenge of the Gaia. – Santa Barbara (Calif.): Allen Lane: Basic Books, 2006. – 192 p.
15. *Chakrabarty D.* The climate of history: Four theses // *Crit. Inquiry.* – 2009. – V. 35, No 2. – P. 197–222. – doi: 10.1086/596640.
16. Anthropocène // *Ann. Hist., Sci. Soc.* – 2018. – Т. 72, F. 2. – P. 263–265. – doi: 10.1017/S039526491800001X.
17. *Писарев А., Гавриленко С.* В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // *Логос.* – 2020. – Т. 30, № 1. – С. 1–28.
18. *Дастон Л.* История науки и история знания // *Логос.* – 2020. – Т. 30, № 1. – С. 63–89.

19. *Monteil L., Romerio A.* From disciplines to “studies”. Knowledge, trajectories, policies // *Revue d'anthropologie des connaissances*. – 2017. – Т. 11, F.°3. – P. a–m. – doi: 10.3917/rac.036.a.
20. *Pomian K.* L’histoire de la science et l’histoire de l’histoire // *Ann. Econ., Soc., Civilis.* – 1975. – Т. 30, F. 5. – P. 935–952. – doi: 10.3406/ahess.1975.293657.
21. *Daston L., Galison P.* Objectivity. – N. Y.: Zone Books, 2007. – 504 p.
22. *Galison P.* Ten problems in history and philosophy of science // *Isis*. – 2008. – V. 99, No 1. – P. 111–124. – doi: 10.1086/587536.
23. *Simon Z.B.* The role of history in an anthropocenic knowledge regime // *Public History Weekly*. – 2021. – Feb. 11. – URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-1/anthropocene-knowledge-regime/>, свободный.
24. *Osborne P.* Problematizing disciplinarity, transdisciplinary problematics // *Theory, Cult. Soc.* – 2015. – V. 32, No 5–6 (Spec. Issue: Transdisciplinary problematics). – P. 3–35. – doi: 10.1177/0263276415592245.
25. *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки. Подходы и понятия. – Одесса: Бондаренко М.А., 2019. – 392 с.
26. *Ramos A. da S.* Ethan Kleinberg: Theory of history as hauntology // *Hist. Historiogr.* – 2017. – V. 10, No 25. – P. 212–228. – doi: 10.15848/hh.v0i25.1263.
27. *Simon Z.B.* History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century. – London: Bloomsbury Acad., 2019. – 224 p.
28. *Domanska E.* Unbinding from humanity: Nandipha Mntambo’s *Europa* and the limits of history and identity // *J. Philos. Hist.* – 2020. – V. 14, No 3. – P. 310–336. – doi: 10.1163/18722636-12341452.
29. *Nora P.* Présentation // *Le Débat*. – 2013. – Т. 177, F. 5. – P. 3–5.
30. *Huysen A.* Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. – Stanford: Stanford Univ. Press, 2003. – 177 p.
31. *Langlois Ch.-V., Seignobog Ch.* Introduction aux études historiques. – Paris: Hachette, 1898. – 308 p.
32. *Полтавцева Н.* Исторична ли история? // *Вопр. литературы*. – 1997. – № 2. – С. 59–65.
33. *Morsel J.* Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passéiste // *Rev. hist.* – 2016. – Т. 680, F. 4. – P. 813–868. – doi: 10.3917/rhis.164.0813.
34. *White H.* The Practical Past. – Evanston: Northwestern Univ. Press, 2014. – XVI, 118 p.
35. *Хмелевская Ю.Ю.* Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // *Вестн. Перм. ун-та. История*. – 2016. – № 1. – С. 62–173.
36. *Runia E.* Presence // *Hist. Theory*. – 2006. – V. 45, No 1. – P. 1–29. – doi: 10.1111/j.1468-2303.2006.00346.x.
37. *Runia E., Tamm M.* The past is not a foreign country: A conversation // *Rethinking Hist.* – 2019. – V. 23, No 3. – P. 403–433. – doi: 10.1080/13642529.2019.1587250.
38. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
39. *Elias N.* Du Temps. – Paris: Fayard, 1997. – 226 p.
40. *Boucheron P., Casanova V.* L’histoire pour espacer le temps. Entretien avec Patrick Boucheron // *Écrire l’hist.: Hist., Lit., Esthétique*. – 2013. – F. 11. – P. 75–86. – doi: 10.4000/elh.300.

41. *Lorenz C.* Out of time? Some critical reflections on François Hartog's presentism // *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism* / Ed. by M. Tamm, L. Olivier. – London, N. Y.: Bloomsbury Acad., 2019. – P. 23–42.
42. *Garcia P.* Histoire du temps présent // *Historiographies: concepts et débats: T 1–2* / Ed. by Ch. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. – Paris: Gallimard. 2010. – T. 1. – P. 282–294.
43. *Tamm M.* Beyond history and memory: New perspectives in memory studies // *Hist. Compass*. – 2013. – V. 11, No 6. – P. 458–473. – doi: 10.1002/HIC3.12050.
44. *White H.* The burden of history // *Hist. Theory*. – 1966. – V. 5, No 2. – P. 111–134. – doi: 10.2307/2504510.
45. *Олейников А.* Хейден Уайт как публичный историк // *Новое лит. обозр.* – 2019. – № 1. – С. 95–105.
46. *Meschonnic H.* Critique du rythme, Anthropologie historique du langage. – Lagrasse: Verdier, 1982. – 730 p.
47. *Domanska E.* Hayden White and liberation historiography // *Rethinking Hist.* – 2015. – V. 19, No 4. – P. 640–650. – doi: 10.1080/13642529.2014.959361.
48. *Чеканцева З.А.* История на пороге третьего тысячелетия: между эпистемологией и социальным заказом // *Историки в поисках новых перспектив* / Под. ред. З.А. Чеканцевой. – М.: Аквилон, 2019. – 416 с.
49. *Domanska E.* Beyond anthropocentrism in historical studies // *Historiein*. – 2010. – V. 10. – P. 118–130. – doi: 10.12681/historein.11.
50. *Le Goff J.* Le changement dans la continuité // *Espaces Temps* / Dosse F. (Ed. Intellect.) – 1986. – F. 34–35: Braudel dans tous ses états. La vie quotidienne des sciences sociales sous l'empire de l'histoire. – P. 20–22.
51. *Koselleck R.* Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques. – Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. – 334 p.
52. *Чеканцева З.А.* Время историка // *Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2010. – С. 66–78.
53. *Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future* / Ed. by C. Lorenz, B. Bevernage. – Göttingen; Bristol: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013. – 274 p. – doi: 10.13109/9783666310461.7.
54. *Chakrabarty D.* Anthropocene time // *Hist. Theory*. – 2018. – V. 57, No 1. – P. 5–32. – doi: 10.1111/hith.12044.
55. *Tanaka S.* History without Chronology. – Amherst: Lever Press, 2019. – 278 p.
56. *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism* / Ed. by M. Tamm, L. Olivier. – London, N. Y.: Bloomsbury Acad., 2019. – XIV, 226 p.
57. *Bevernage B.* Transitional justice and historiography: Challenges, dilemmas and possibilities // *Macquarie Law J.* – 2014. – V. 13. – P. 7–24.
58. *Historicités* / Ed. by Ch. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia. – Paris: La Découverte, 2009. – 304 p.
59. *Trüper H.* The flatness of historicity // *Hist. Theory*. – 2019. – V. 58, No 1. – P. 23–49. – doi: 10.1111/hith.12098.
60. *Bevernage B.* From Philosophy of History to Philosophy of Historicities: Some Ideas on a Potential Future of Historical Theory // *BMGN – Low Countries Hist. Rev.* – 2012. – V. 127, No 4. – P. 113–120. – doi: 10.18352/bmgn-lchr.8231.
61. *Tamm M., Simon Z.B.* More-than-human history. Philosophy of history at the time of the Anthropocene // *Philosophy of History: Twenty-First-Century Perspectives* / Ed. by

- J.-M. Kuukkanen. – London: Bloomsbury Acad., 2021. – P. 198–215. – doi: 10.5040/9781350111875.0018.
62. *Riot-Sarcey M.* Temps et histoire en débat. “Tout s’oublie” et “rien ne passe” // *Rev. d’hist. du XIXe siècle.* – 2002. – Т. 25, F. 2. – P. 7–13.
63. *Duclert V.* L’avenir de l’histoire. – Paris: Armand Colin, 2010. – 230 p.
64. *Tamm M.* How to Reinvent the Future? // *Hist. Theory.* – 2020. – V. 59, No 3. – P. 448–458. – doi: 10.1111/hith.12173.
65. *Helgesson St., Svenungsson J.* The Ethos of History: Time and Responsibility. – N. Y.: Berghahn Books, 2018. – 230 p.
66. *Simon Z.B.* Domesticating the future through history // *Time Soc.* – 2021. – V. 30, No 4. – P. 494–516. – doi: 10.1177/0961463X211014804.
67. *Чеканцева З.А.* Path Dependence, политика времени и метаморфозы истории // *Вестн. Перм. ун-та. История.* – 2020. – № 3. – С. 5–16. – doi: 10.17072/2219-3111-2020-3-5-16.

Поступила в редакцию
09.03.2022

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр-т, д. 32 а, г. Москва, 119334, Россия
E-mail: zinaidachekantseva@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 9–28

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.9-28

**What are Historians for?
Notes on the Possibilities and Limits of Disciplinary History***

Z.A. Chekantseva

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334 Russia

E-mail: zinaidachekantseva@gmail.com

Received March 9, 2022

Abstract

The image of history that emerged during the age of modernity has become a problem both in intellectual culture and in the everyday life of the 21st century. Our turbulent world and numerous texts convince us that history is no longer what it used to be. Nevertheless, historians work primarily within the settings of normative history, which foundations were shaped in the 19th century. Researchers have long discussed the changes taking place. However, along with a critique of the established protocols of historical research in line with the reflexive turn in knowledge (“epistemological and historiographical at a time” as François Hartog argues), another historical optic and a new ethos of history are now being sought and formed

* This article is an expanded version of my report “Challenges of the 21st Century, Historians and the Future of History” at the International Scientific Conference “The Power of Memory: World History and Its Researchers” (Kazan, Nov. 18–20, 2021).

in the transdisciplinary space. In this theoretical discourse, the understanding of disciplinary history and its future relates to the state of knowledge in a broad sense. The article discusses several aspects of this vast topic based on the texts of historians, philosophers, sociologists, and anthropologists: the status of history in the contemporary world and its relationship with the past; temporal issues of historical culture; and the new ethos of history and the historian's identity. Among the numerous challenges faced by humanity at the dawn of the third millennium, the following two stand out: transdisciplinarity and the Anthropocene.

Keywords: history, transdisciplinarity, Anthropocene, historical time, ethos of history, historian's identity

References

1. Assmann A. Conclusion: A creed that has lost its believers? Reconfiguring the concepts of time and history. In: Tamm M., Olivier L. (Eds.) *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*. London, New York, Bloomsbury Acad., 2019, pp. 269–284. doi: 10.5040/9781350065116.0007.
2. Hartog F. *Croire en l'histoire*. Paris, Flammarion. 2013. 310 p. (In French)
3. Chekantseva Z.A. Anthropology of historiography and the historian's identity in the 21st century. *Istoriya*, 2018, vol. 9, no. 8. doi: 10.18254/S0002438-0-1. (In Russian)
4. Gorman J. *Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice*. Montreal, Kingston, Ithaca, McGill Queen's Univ. Press, 2008. 258 p.
5. Noël P.M. Épistémologie, histoire et historiens: considérations conceptuelles, méthodologiques et empiriques autour du discours que les historiens tiennent sur leur savoir. *Thèse de doctorat: Histoire*. Québec, 2014. 401 p. (In French)
6. Rockhill G. *Interventions in Contemporary Thought. History, Politics, Aesthetics*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2016. 277 p.
7. Gumbrecht H.U. The cold embrace of “science”, or why the humanities better be “humanities and arts”. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2006, no. 5, pp. 7–17. (In Russian)
8. Bourdieu P. For rationalist historicism. In: *Sotsio-Logos postmodernizma '97: Al'manakh Rossiiskofrantsuzskogo tsentra sotsiol. issledovaniy In-ta sotsiologii RAN* [Socio-Logos of Postmodernism '97: Almanac of the Russian-French Center for Sociology. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences]. Moscow, Inst. Eksp. Sotsiol., 1996, pp. 9–29 (In Russian)
9. Quenet G. L'Anthropocène et le temps des historiens. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2017, T. 72, F. 2, pp. 267–299. doi: 10.1017/S0395264917000543. (In French)
10. Delanty G., Mota A. Governing the Anthropocene: Agency, governance, knowledge. *European Journal of Social Theory*, 2017, vol. 20, no 1, pp. 9–38. doi: 10.1177/1368431016668535.
11. Bonnueul Ch., Fressor J-B. *L'événement Anthropocène. La Terre, l'histoire et nous*. Paris, Ed. Seuil, 2016. 320 p. (In French)
12. Domanska E. The new age of the Anthropocene. *Journal of Contemporary Archaeology*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 96–101. doi: 10.1558/jca.v1i1.96.
13. Charbonnier P. Généalogie de l'Antropocène. La fin du risque et des limites. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2017, T. 72, F. 2, pp. 301–328. doi: 10.1017/S0395264917000555. (In French)
14. Lavlok D. *Revenge of the Gaia*. Santa Barbara (Calif.), Allen Lane, Basic Books, 2006. 192 p.
15. Chakrabarty D. The climate of history: Four theses. *Critical Inquiry*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 197–222. doi: 10.1086/596640.
16. Anthropocène. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2018, T. 72, F. 2, pp. 263–265. doi: 10.1017/S039526491800001X. (In French)
17. Pisarev A., Gavrilenko S. In search of an evanescent object: Science and its history. *Logos*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 1–28. (In Russian)
18. Daston L. The history of science and the history of knowledge. *Logos*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 63–89. (In Russian)
19. Monteil L., Romerio A. From disciplines to “studies”. Knowledge, trajectories, policies. *Revue d'anthropologie des connaissances*, 2017, T. 11, F. 3, pp. a–m. doi: 10.3917/rac.036.a.
20. Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire. *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*, 1975, T. 30, F. 5, pp. 935–952. doi: 10.3406/ahess.1975.293657. (In French)
21. Daston L., Galison P. *Objectivity*. New York, Zone Books, 2007. 504 p.

22. Galison P. Ten problems in history and philosophy of science. *Isis*, 2008, vol. 99, no. 1, pp. 111–124. doi: 10.1086/587536.
23. Simon Z.B. The role of history in an anthropocenic knowledge regime. *Public History Weekly*, 2021, Feb. 11. Available at: <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-1/anthropocene-knowledge-regime/>.
24. Osborne P. Problematizing disciplinarity, transdisciplinary problematics. *Theory, Culture & Society*, 2015, vol. 32, nos. 5–6, pp. 3–35. doi: 10.1177/0263276415592245.
25. Popova T.N. *Distsiplinarnyi obraz nauki. Podkhody i ponyatiya* [The Disciplinary Image of Science. Approaches and Concepts]. Odessa, Bondarenko M.A., 2019. 392 p. (In Russian)
26. Ramos A. da S. Ethan Kleinberg: Theory of history as hauntology. *História da Historiografia*, 2017, vol. 10, no. 25, pp. 212–228. doi: 10.15848/hh.v0i25.1263.
27. Simon Z.B. *History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century*. London, Bloomsbury Acad., 2019. 224 p.
28. Domanska E. Unbinding from humanity: Nandipha Mntambo’s *Europa* and the limits of history and identity. *Journal of the Philosophy of History*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 310–336. doi: 10.1163/18722636-12341452.
29. Nora P. Présentation. *Le Débat*, 2013, T. 177, F. 5, pp. 3–5. (In French)
30. Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford, Stanford Univ. Press, 2003. 177 p.
31. Langlois Ch.-V., Seignobog Ch. *Introduction aux études historiques*. Paris, Hachette, 1898. 308 p. (In French)
32. Poltavtseva N. Poltavtseva N. Is history historical? *Voprosy Literaturny*, 1997, no. 2, pp. 59–65. (In Russian)
33. Morsel J. Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passéiste. *Revue historique*, 2016, T. 680, F. 4, pp. 813–868. doi: 10.3917/rhis.164.0813. (In French)
34. White H. *The Practical Past*. Evanston, Northwestern Univ. Press, 2014. XVI, 118 p.
35. Khmelevskaya Yu.Yu. Historians and the “useful past”: On disciplinary limitations and disciplining functions of history in contemporary society. *Vestnik Permskogo Univrsiteta. Istoriya*, 2016, no. 1, pp. 62–173. (In Russian)
36. Runia E. Presence. *History and Theory*, 2006, vol. 45, no. 1, pp. 1–29. doi: 10.1111/j.1468-2303.2006.00346.x.
37. Runia E., Tamm M. The past is not a foreign country: A conversation. *Rethinking History*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 403–433. doi: 10.1080/13642529.2019.1587250.
38. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkiv, Folio, 2003. 503 p. (In Russian)
39. Elias N. *Du Temps*. Paris, Fayard, 1997. 226 p. (In French)
40. Boucheron P., Casanova V. L’histoire pour espacer le temps. Entretien avec Patrick Boucheron. *Écrire l’histoire: Histoire, Littérature, Esthétique*, 2013, F. 11, pp. 75–86. doi: 10.4000/elh.300. (In French)
41. Lorenz C. Out of time? Some critical reflections on François Hartog’s presentism. In: Tamm M., Olivier L. (Eds.) *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism*. London, New York, Bloomsbury Acad., 2019, pp. 23–42.
42. Garcia P. Histoire du temps présent. In: Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P., Offenstadt N. (Eds.) *Historiographies: concepts et débats*. T. 1. Paris, Gallimard. 2010, pp. 282–294. (In French)
43. Tamm M. Beyond history and memory: New perspectives in memory studies. *History Compass*, 2013, vol. 11, no. 6, pp. 458–473. doi: 10.1002/HIC3.12050.
44. White H. The burden of history. *History and Theory*, 1966, vol. 5, no. 2, pp. 111–134. doi: 10.2307/2504510.
45. Oleinikov A. Hayden White as a public historian. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 95–105. (In Russian)
46. Meschonnic H. *Critique du rythme, Anthropologie historique du langage*. Lagrasse, Verdier, 1982. 730 p. (In French)
47. Domanska E. Hayden White and liberation historiography. *Rethinking History*, 2015, vol. 19, no. 4, pp. 640–650. doi: 10.1080/13642529.2014.959361.

48. Chekantseva Z.A. History on the threshold of the third millennium: Between epistemology and social control. In: Z.A. Chekantseva (Ed.) *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow, Akvilon, 2019. 416 p. (In Russian)
49. Domanska E. Beyond anthropocentrism in historical studies. *Historiein*, 2010, vol. 10, pp. 118–130. doi: 10.12681/historein.11.
50. Le Goff J. Le changement dans la continuité. *Espaces Temps.*, 1986, F. 34–35: Braudel dans tous ses états. La vie quotidienne des sciences sociales sous l’empire de l’histoire. Dosse F. (Ed. Intellect.), pp. 20–22. (In French)
51. Koselleck R. *Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris, Ed. de l’EHESS, 1990. 334 p. (In French)
52. Chekantseva Z.A. The historian’s time. In: Repina L.P. (Ed.) *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of Time and Historical Views. Russia – East – West]. Moscow, Krug, 2010, pp. 66–78. (In Russian)
53. *Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future*. Lorenz C., Bevernage B. (Eds.). Göttingen, Bristol, Vandenhoeck Ruprecht, 2013. 274 p. doi: 10.13109/9783666310461.7.
54. Chakrabarty D. Anthropocene time. *History and Theory*, 2018, vol. 57, no. 1, pp. 5–32. doi: 10.1111/hith.12044.
55. Tanaka S. *History without Chronology*. Amherst, Lever Press, 2019. 278 p.
56. *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*. Tamm M., Olivier L. (Eds.). London, New York, Bloomsbury Acad., 2019. XIV, 226 p.
57. Bevernage B. Transitional justice and historiography: Challenges, dilemmas and possibilities. *Macquarie Law Journal*, 2014, vol. 13, pp. 7–24.
58. *Historicités*. Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. (Ed.). Paris, La Découverte, 2009. 304 p. (In French)
59. Trüper H. The flatness of historicity. *History and Theory*, 2019, vol. 58, no. 1, pp. 23–49. doi: 10.1111/hith.12098.
60. Bevernage B. From philosophy of history to philosophy of historicities: Some ideas on a potential future of historical theory. *BMGN – Low Countries Historical Review*, 2012, vol. 127, no. 4, pp. 113–120. doi: 10.18352/bmgn-lchr.8231.
61. Tamm M., Simon Z.B. More-than-human history. Philosophy of history at the time of the Anthropocene. In: Kuukkanen J.-M. (Ed.) *Philosophy of History: Twenty-First-Century Perspectives*. London, Bloomsbury Acad., 2021, pp. 198–215. doi: 10.5040/9781350111875.0018.
62. Riot-Sarcey M. Temps et histoire en débat. “Tout s’oublie” et “rien ne passe”. *Revue d’histoire du XIXe siècle*, 2002, T. 25, F. 2, pp. 7–13. (In French)
63. Duclert V. *L’avenir de l’histoire*. Paris, Armand Colin, 2010. 230 p. (In French)
64. Tamm M. How to reinvent the future? *History and Theory*, 2020, vol. 59, no. 3, pp. 448–458. doi: 10.1111/hith.12173.
65. Helgesson St., Svenungsson J. *The Ethos of History: Time and Responsibility*. New York, Berghahn Books, 2018. 230 p.
66. Simon Z.B. Domesticating the future through history. *Time & Society*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 494–516. doi: 10.1177/0961463X211014804.
67. Chekantseva Z.A. Path dependence, politics of time and metamorphosis of history. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, 2020, no. 3, pp. 5–16. doi: 10.17072/2219-3111-2020-3-5-16. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Чеканцева З.А. Для чего нужны историки? Заметки о возможностях и пределах дисциплинарной истории // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 9–28. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.9-28. ⟩

⟨ **For citation:** Chekantseva Z.A. What are historians for? Notes on the possibilities and limits of disciplinary history. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 9–28. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.9-28. (In Russian) ⟩